ТИПЫ
ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА.

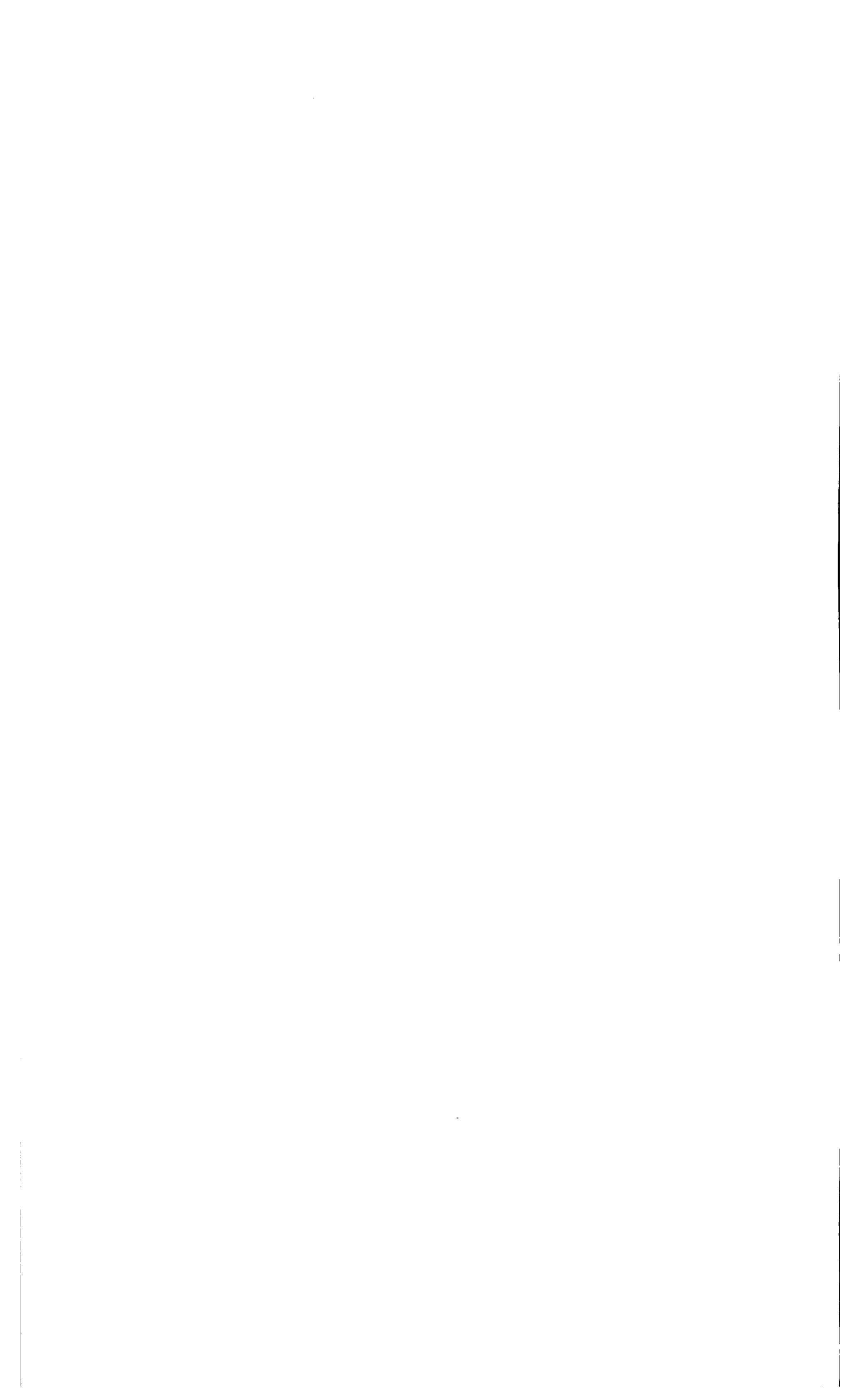
КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

Н. ШМАКОВА.

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Ф. С. Муравьева.
1884.

ТИПЫ

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

Н. Шмакова.

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Ф. С. Муравьева.
1884.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Марта 1884 года.

ТИПЫ ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА.

Критическій этюдъ.

«Не все то волкъ,
что сѣрое».

I.

При имени Всеволода Гаршина, намъ невольно вспоминается одно изъ парижскихъ писемъ Э. Золя, гдѣ извѣстный романистъ разсказываетъ о литературныхъ порядкахъ, практикуемыхъ во Франціи. Тамъ не то, что у насъ; тамъ, при жизни писателя, вы рѣдко услышите лестные или нелестные отзывы о его произведеніяхъ; оцѣнка дѣятельности и характеровъ подвижниковъ литературы принадлежитъ болѣе исторіи, чѣмъ текущей прессѣ; тамъ, благодаря врожденной утонченности француза, критика болѣе скромна и осторожна, чѣмъ критика нашихъ отечественныхъ книговѣдовъ.

У насъ иное. Не успѣлъ народиться художникъ, на полголовы превышающій общій уровень посредственности, какъ мы уже звонимъ во всѣ колокола, приписываемъ ему всѣ возможные и невозможные таланты, чествуемъ его всенародно, забывая, что чествованіе корифеевъ слова принадлежитъ прежде всего обществу и массамъ, а не отдѣльнымъ единицамъ. Чествованіе «Corinne» [1]) въ Италіи, когда читаешь о немъ, производитъ впечатлѣніе высокаго и

---

[1]) «Corinne ou L'Italie» par M-me de Staël.

торжественнаго потому, что оно заслужено поэтессой; потому, что причина его лежитъ въ сочувствіи и восхищеніи массъ. Времена измѣнились; широкій просторъ, завоеванный печатнымъ словомъ, далъ другое обличіе торжеству корифея—его прославляютъ журнальною статьею, взамѣнъ вѣнчанія въ Капитоліи;—разница огромная для корифея вообще, и еще болѣе огромная для корифея, созданнаго единоличнымъ воображеніемъ, для героя, раздутаго кабинетнымъ усердіемъ книговѣда.

Не кажется ли большинству, что В. Гаршинъ, на котораго такъ обильно сыпались лавровые вѣнки изъ рукъ г. Николадзе и К° [1]), представляется, насколько можно судить по его литературной дѣятельности, человѣкомъ весьма и весьма скромнымъ? Онъ написалъ нѣсколько небольшихъ вещицъ, придалъ имъ форму и кличку разсказовъ, наиболѣе скромную для беллетриста, затѣмъ, собравъ написанное, издалъ маленькую книжку, не бьющую на эффектъ.... Отчего же книжка его возбудила бурю въ стаканѣ воды, отчего она вызвала паѳосъ въ г. Николадзе и К°?

Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстно, литература наша переживаетъ исключительный періодъ. Вслѣдъ за Гоголемъ, съ котораго начинается золотой вѣкъ нашего роднаго искусства, выступаетъ цѣлая коллекція первоклассныхъ авторовъ, богатыхъ какъ силою, такъ и продолжительною напряженностью творчества. Великіе художники кисти и пера составляютъ блестящую галлерею недавняго прошлаго, возбуждающую вниманіе и удивленіе всего читающаго міра. Но какъ всему живущему приходитъ конецъ, такъ приблизился онъ и для сонма нашихъ корифеевъ. Мы потеряли уже многихъ изъ нихъ фактически, потеряли еще нѣсколькихъ въ прав-

---

[1]) „*Отеч. Зап.*“, дек. 82 г.

ственномъ отношеніи (въ томъ числѣ непишущаго И. А. Гончарова), и, что всего печальнѣе, мы не унаслѣдовали талантовъ отъ представителей этого золотаго вѣка, а если и унаслѣдовали, то растворили эти таланты въ жизни многихъ, вмѣсто того, чтобы уступить ихъ жрецамъ новѣйшаго искусства.

Вотъ въ такой-то исключительный моментъ, когда нѣкоторые изъ народныхъ пѣвцовъ отошли въ вѣчность, нѣкоторые умолкли, нѣкоторые допѣваютъ, перемѣшивая зады съ новью, и когда лишь немногіе сохранили богоданное вдохновеніе — появляется художникъ, сразу привлекающій къ себѣ вниманіе и симпатію читателя, сразу возвышающійся надъ многорѣчивыми, но малосодержательными собратами.

Таковъ былъ г. Гаршинъ. Въ краткой, сжатой формѣ онъ нарисовалъ нѣсколько изящныхъ картинъ, бьющихъ въ глаза новизною своихъ темъ и полнотою изученія описываемаго. Появились разсказы: *«Четыре дня»*, *«Происшествіе»*, *«Трусъ»*, *«Встрѣча»*, *«Художники»*, *«Ночь»*. Даже обыкновенный читатель, не имѣющій возможности упорно слѣдить за текущей литературой и заниматься ее подробной оцѣнкой — и тотъ остановился на г. Гаршинѣ и запомнялъ нарисованныя имъ эффектныя картинки. Запомнилъ и разлагающійся трупъ феллаха, и «глухаря», и гангренезнаго Кузьму, и акваріумъ одесскаго инженера, и картину внутренней борьбы человѣка, рѣшающагося на самоубійство.

Г. Венгеровъ [1]) первый, если не ошибаемся, подвергъ серьезной критической переоцѣнкѣ эти новинки и, обосно-

---

[1]) *„Слово“*, февраль и мартъ 80 г. *„На смѣну. Беллетристы-дебютанты“*.

вавшись на анатомически-точномъ изученіи разъ взятаго объекта, свойственномъ молодому писателю, указалъ ему мѣсто на высшей ступени современной лѣстницы беллетристовъ. Заурядному читателю весьма интересно было провѣрить свои впечатлѣнія этимъ критическимъ взглядомъ г. Венгерова и найти здѣсь подтвержденіе тому, что онъ самъ переживалъ при чтеніи «*Разсказовъ*». Заурядному читателю не могло однако не показаться нѣсколько преждевременнымъ восхваленіе таланта, нарождающагося на поприщѣ реальнаго искусства, когда еще не остыли впечатлѣнія отъ твореній главы реальнаго направленія въ русской школѣ, отъ созданій Н. В. Гоголя.

Г. Гаршинъ изучаетъ взятый имъ сюжетъ, прежде чѣмъ вложитъ его въ форму разсказа. Н. В. Гоголь всю жизнь занимался глубокимъ изученіемъ своихъ сюжетовъ и типовъ, онъ бралъ ихъ изъ пережитаго, изъ писемъ матери, изъ писемъ большаго кружка друзей, переписку съ которыми онъ такъ дѣятельно ведетъ, даже находясь за предѣлами родины. Онъ собираетъ всевозможныя историческія и бытовыя пѣсни, онъ пріобрѣтаетъ оригинальные старинные костюмы живописуемой имъ эпохи, онъ не пренебрегаетъ ничѣмъ, для него нѣтъ мелочей, которыя не могли бы послужить на пользу реализму [1]). Онъ вѣровалъ, что «дѣйствительность не только живѣе, но и совершеннѣе фантазіи; образы фантазіи только блѣдная и часто неудачная передѣлка дѣйствительности». Пользуясь выдающеюся способностью обобщать факты обыденной жизни, читать суть этихъ фактовъ, онъ создаетъ намъ рядъ неумирающихъ типовъ, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась русская жизнь.

---

[1]) „*Записки о жизни Н. В. Гоголя.*“ Николай М*, т. 1.

Другой реалистъ, подвижникъ французской реальной школы, Э. Золя, также тщательно изучаетъ описываемое. Онъ посвящаетъ часть своего досуга собиранію выраженій, отличающихъ извѣстный «argot», онъ снимаетъ фотографическія карточки съ тѣхъ зданій и мѣстностей, которыя позднѣе мы встрѣчаемъ въ его романахъ, онъ чертитъ планы домовъ, гдѣ живутъ его герои.

Изученіе предмета, наблюдаемое у г. Гаршина, обязательно для него, какъ для реалиста,—не болѣе.

Похвала г. Венгерова, вѣроятно, имѣла цѣлью подбодрить начинающаго писателя, поддержать въ немъ творческое самолюбіе, которое, какъ важный стимулъ, всегда вліяло и вліяетъ на авторовъ. Результатами преждевременнаго успѣха явились два новыхъ разсказа г. Гаршина: «Attalea princeps» и «*То, чего не было*». Сказка «Attalea princeps» новизною аллегорической формы, въ какую она была отлита, произвела должное впечатлѣніе, но слѣдующій разсказъ оказался, къ сожалѣнію, хуже всего, до сихъ поръ написаннаго беллетристомъ. Въ немъ аллегорія напоминаетъ съ одной стороны басню, а съ другой «*Сказки*» Андерсена. Мало того, мы положительно увѣрены, что если, рядомъ со сказкою «*Навозный жукъ*» [1]), переплести сказку г. Гаршина, то никто не возьмется отличить, какому перу принадлежитъ послѣдняя. Мы вовсе не хотимъ унизить г. Гаршина этимъ сравненіемъ съ Андерсеномъ. Андерсенъ представляетъ личность, недюжинную въ литературномъ отношеніи, но его дѣятельность ограниченна и опредѣленна: онъ пишетъ разсказы для дѣтей и только, а г. Гаршинъ написалъ дѣтскій разсказъ для взрослыхъ. Таинственный смыслъ, читаемый между строками этой аллегоріи, ничуть не выше таинственнаго смысла аллегорій андерсеновскихъ.

---

[1]) *„Сказки Андерсена“*, т. 2-й, стр. 120.

II.

Лѣтомъ 82 года, всѣ разсказы г. Гаршина вышли отдѣльной книжкой. Казалось бы: изъ того, что нѣсколько отдѣльныхъ картинокъ переплетены вмѣстѣ, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы эти картинки были проникнуты общею мыслею, чтобы всѣ вмѣстѣ онѣ рисовали уже не то, что изображали каждая отдѣльно, будучи разбросанными по нумерамъ журналовъ [1]), а нѣчто новое.... Однако-же г. рецензентъ «*Отеч. Зап.*» [2]), одобрительно встрѣтившій появленіе маленькой книжки г. Гаршина, уже не останавливается, подобно г. Венгерову, на опредѣленіи общаго характера произведеній новаго писателя, а доискивается до общаго смысла этихъ произведеній въ совокупности и находитъ въ нихъ особый, ненарисованный до г. Гаршина, отрицательный типъ, свойственный современному неудовлетворенному человѣку, не знающему выходовъ изъ своей внутренней борьбы.

Критическую замѣтку г. рецензента «*Отеч. Зап.*» мы прочли съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ и статью г. Венгерова въ «*Словѣ*». Намъ, повторяемъ, интересно было изъ устъ присяжнаго книговѣда услышать отзывъ о предметѣ новомъ и любопытномъ. Попытку связать воедино рельефныя гаршинскія картинки нельзя было не счесть естественною—мы таковою и сочли ее. Но результатъ этой попытки, выразившійся въ констатированіи особаго «*гаршинскаго*» типа современнаго россійскаго интеллигента—насъ неудовлетворилъ.

Начать съ того, что законченный типъ можетъ создать только тотъ художникъ, который смотритъ глазами безпри-

---

1) „*Отеч. Зап.*“ и „*Рус. Бог.*“ (подъ прежней редакціей).

2) „*Отеч. Зап.*“, августъ 82 г. Отд. „*Новыя книги*“,

страстія на пережитое, а не на переживаемое. Почему Обломовъ, почему многіе тургеневскіе типы такъ рельефны?

А потому, что художники лѣпили ихъ на разстояніи, потому-что они брали ихъ уже отработанными жизнью. И. А. Гончаровъ, въ своемъ «*Лучше поздно, чѣмъ никогда*» [1]), съ глубокимъ искусствомъ и правдивостью объясняетъ намъ, что онъ отказался отъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ предложеній написать типъ новаго культурнаго русскаго именно потому, что привыкъ сначала отдалиться отъ типа, а потомъ уже лѣпить его.

Задача, отъ которой отказался Гончаровъ, пришлась по плечу г. Гаршину. На это, по крайней мѣрѣ, намекаетъ г. рецензентъ «*Отеч. Зап.*», и положительно утверждаетъ это г. Николадзе [2]). Послѣдній съ паѳосомъ, слегка напоминающимъ Бѣлинскаго, скользитъ по наклонной плоскости увлеченія, сопоставляя самыя разнохарактерныя и разнокалиберныя выдержки изъ «*Разсказовъ*» В. Гаршина для выясненія гаршинскаго отрицательнаго типа. Подобнымъ путемъ можно прійти къ самымъ неожиданнымъ заключеніямъ,— мало ли въ колодѣ картъ? Читая статью г. Николадзе, вспоминаемъ пріемы нѣкоторыхъ учителей словесности, съ особенною любовью и наслажденіемъ разчленяющихъ какое-нибудь произведеніе Пушкина или Лермонтова на части, приписывающихъ разбираемому образцу, руководясь тѣмъ же собственнымъ усмотрѣніемъ, основную идею, а иногда и нѣсколько таковыхъ, вообще фантазирующихъ до того заразительно, что и слушатели увлекаются желаніемъ откопать еще и «*отъ себя*» какую-нибудь идею произведенія, въ зависимости отъ того, что кому больше нравится. Тамъ,

---

1) „*Четыре Очерка*“ И. А. Гончарова.

2) „*Отеч. Зап.*“, дек. 82 г.

въ учебномъ заведеніи, все это имѣетъ свой смыслъ; тамъ подобнымъ путемъ развиваются критическія способности слушателей, конечно, при условіи, чтобы идеи наставника были просвѣщенны и высоко-гуманны. Иначе выйдетъ одно злоупотребленіе критикою, и слушатели рискуютъ надолго утратить чуткость къ истинному критерію.

Иное въ жизни. Здѣсь *«основная идея отъ себя»* уже предвзята, тенденціозна. Въ школѣ образецъ имѣется подъ рукой у всякаго; въ жизни, наоборотъ, у весьма немногихъ. Провинція въ 82-мъ году мало еще читала г. Гаршина, она почти что и не знала его. На чемъ же долженъ былъ остановиться провинціалъ, случайно пробѣжавъ тенденціозную статью г. Николадзе? Вопросъ интересный и стоитъ того, чтобы о немъ нѣсколько поразмыслить.

Извѣстно, что читатель въ одно и то-же время и старается избѣгнуть тенденціозности и какъ бы ищетъ ее. Возьмемъ опять-таки обыкновеннаго средняго читателя. Передъ нимъ новая біографія Ѳ. М. Достоевскаго. Чѣмъ руководствоваться при чтеніи? Предвзятыми ли взглядами на гг. О. Миллера и Н. Страхова, если таковые составились у него раньше, или своимъ новымъ впечатлѣніемъ, біографіею производимымъ? У г. Страхова больше, у г. Миллера меньше, а все же у обоихъ сквозитъ необыкновенно пристрастное отношеніе къ дѣлу. Первый черезъ строку пишетъ о себѣ и о своихъ, черезъ строку о Достоевскомъ. И все это такъ голо, такъ плохо маскировано. Впечатлѣніе—не въ пользу. Но сюжетъ интересенъ, вниманія отдается книгѣ много, вмѣстѣ съ вниманіемъ является симпатія къ личности Достоевскаго....

Говорятъ: во всякомъ произведеніи отражается душа автора. Пусть такъ; но вѣдь это для него одного и интересно. А для читателя надо, чтобы *«его»* душа отражалась; въ этомъ суть. Онъ и ищетъ отраженія этой своей души, и

повѣрьте, что и симпатизируетъ-то онъ только тому, что покажется приближающимся или совпадающимъ съ его взглядами. Онъ не скажетъ вамъ этого, не напишетъ объ этомъ, какъ не напишетъ ничего и о своей вѣрѣ никто, кромѣ Гр. Л. Толстаго, исключительно стоящаго, да Ѳ. М. Достоевскаго, каждое слово котораго цѣнилось въ послѣдніе его годы на вѣсъ золота, даже и на цензорскихъ вѣсахъ.

Вотъ это-то *«свое»* отраженіе и важно. По немъ и составляется внутреннее мнѣніе о произведеніи, о личности, о чемъ хотите; а ужь никакъ не по гг. О. Миллеру и Н. Страхову.

Положимъ, читатель съ дѣтства не долюбливаетъ *«Русскій Вѣстникъ»*. Доходитъ до того, что самый шрифтъ журнала непріятенъ. Не любитъ, да и баста. Не по примѣру другихъ, не по наущеніямъ, а просто, атмосфера такая чистая окружала его съ дѣтства. Когда въ 79-80 годахъ тянулись тамъ *«Братья Карамазовы»*—вещь глубокая и гораздо болѣе симпатичная, чѣмъ думаютъ многіе—характеръ журнала какъ бы сошелся съ внѣшнимъ риторическимъ стилемъ романа (особенно перваго его тома); получалось впечатлѣніе чего-то стародавняго, и Карамазовы-то казались не нынѣшними русскими, а какими-то ихтіазаврами....

Праздныя размышленія—скажете вы. Нѣтъ, не праздныя, а *«нутряныя»*, по выраженію многострадальнаго писателя. «Нутряныя» и мало мотивированныя, а потому какъ бы и праздныя.

Читаемъ теперь *«Карамазовыхъ»*. Забываемъ о *«Рус. Вѣстн.»*—другое впечатлѣніе. И это отъ обложки и шрифта—что за слѣпая злоба къ журналу?... Злоба не слѣпая, совсѣмъ даже нѣтъ злобы, а просто, симпатія отсутствуетъ, а симпатія необходима.

Не только публицистъ или библіографъ, трактующіе объ извѣстномъ произведеніи, но и самъ авторъ этого произведенія могутъ потонуть въ чистой симпатіи читателя. Останется одно произведеніе, какъ нѣчто живое и самостоятельное, и моя симпатія къ нему, не зависящая ни отъ автора, ни отъ публициста, ни отъ обложки,—это въ томъ случаѣ, если порѣшимъ отказаться отъ тенденціозности, не искать ее.

А многіе ищутъ. Да, живя въ міру, и нельзя не искать. Мы не говоримъ о томъ, что читатель рискуетъ неощутительно для себя увлечься тенденціею, къ которой привыкъ относиться несимпатично; не то; а *нужно* всетаки знать тенденцію, дабы во всякомъ образцѣ съумѣть отдѣлить чистое произведеніе, достойное симпатіи, отъ нечистаго, тенденціознаго, ее недостойнаго.

Это о тенденціи, объ направленіи автора. Другое дѣло типы. Въ типѣ всѣ должны сойтись. Въ типѣ тенденція отсутствуетъ, ибо, какъ ни ломай типа, а если онъ живой, то «нутряной» смыслъ его все же останется чистымъ для читателя, способнаго симпатизировать.

Послѣднее заключеніе тоже не всегда оправдывается практикою. Особенно въ области критики. Сравнивая разборы одного и того-же произведенія Гончарова, принадлежащіе Бѣлинскому, съ одной стороны, и школѣ, во главѣ которой стоялъ Писаревъ, съ другой, мы видимъ рядъ контрастовъ, а этотъ послѣдній, при сопоставленіи съ исповѣдью самого Гончарова, невольно приводитъ насъ къ давно-извѣстной истинѣ (сказанной въ свое время и Шиллеромъ и Пушкинымъ), гласящей, что поэта можно судить только по законамъ, имъ же самимъ для себя поставленнымъ. Обыкновенно обходятъ законъ, увлекаясь толкованіемъ поэта въ пользу партіи, причемъ выходитъ нѣчто подобное фантазированію масоновъ, утверждавшихъ, будто прародитель-Адамъ былъ

первымъ великимъ мастеромъ ихъ ордена, и спиритовъ, считающихъ Адама, напротивъ того, первымъ медіумомъ.

Въ рядѣ разсказовъ, подобныхъ гаршинскимъ, легче найти извѣстную общую идею, чѣмъ опредѣленный общій типъ. И намъ кажется, что на этомъ и слѣдовало остановиться современной критикѣ, предоставивъ дальнѣйшее въ удѣлъ будущему. Разсказы Захеръ-Мазоха, проникнутые общеразумною идеею *«каинова наслѣдія»*, не смотря на то, что они изображаютъ рядъ отдѣльныхъ картинъ, не позволяютъ намъ сомнѣваться въ ихъ взаимной тѣсной связи.

Одно время было много разговоровъ о гаршинскихъ типахъ. Раздавались голоса, сѣтовавшіе, что въ сочиненіяхъ г. Гаршина они встрѣчаютъ лишь одинъ отрицательный типъ и не видятъ таковаго-же положительнаго. Въ исторіи литературъ неоднократно наталкиваемся на примѣры подобныхъ притязаній со стороны публики. Недовольны были и Шиллеромъ, и Гоголемъ, и Захеръ-Мазохомъ за ихъ исключительную отрицательность, и двое послѣднихъ пытались, въ отвѣтъ на эти притязанія, создать контрастовую исключительность, но безплодно.

Комично положеніе художника, «мыслящаго образами», «творящаго оттого, что творить хочется», когда, впослѣдствіи, онъ видитъ, что публика не только находитъ у него много такого, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, но еще и претендуетъ, когда найденное не отвѣчаетъ ея вкусамъ.

III.

Все, сейчасъ сказанное, имѣло значеніе по отношенію къ типу. Но есть ли послѣдній у г. Гаршина?

Мы отчасти предрѣшили этотъ вопросъ, постараемся-же мотивировать нашъ взглядъ на мнимаго творца типовъ.

Подъ типомъ мы привыкли разумѣть полную совокупность признаковъ, существенно характеризующихъ извѣстную группу индивидуумовъ, силою исторіи, условій быта, степени развитія и всевозможныхъ внѣшнихъ вліяній обладающую рѣзко очерченными соціальными особенностями. Совокупность эта, пропущенная черезъ призму міросозерцанія ходожника, является передъ нами въ вполнѣ осязательной изящной формѣ. Изъ самаго опредѣленія типа, какъ таковаго, очевиденъ путь, которымъ пойдетъ художникъ, поставившій себѣ задачею выясненіе даннаго типа. Ему нельзя будетъ остановиться на нѣсколькихъ иллюстраціяхъ типа, какъ бы рельефны ни были эти иллюстраціи. Онъ, для начала, укажетъ намъ на причины, породившія типъ, на среду, взростившую и закончившую его, на его коренныя особенности — и уже потомъ перейдетъ къ протоколамъ, констатирующимъ эти коренныя свойства воочію.

Не такъ ли поступали наши реалисты, не такъ ли поступаетъ французскій реалистъ, создавшій «*естественную и соціальную исторію Ругонъ-Макаровъ*»? Что же сдѣлано въ этомъ направленіи г. Гаршинымъ?

Онъ не пошелъ далѣе протоколизма. Нарисовавъ нѣсколько иллюстрацій современнаго отрицательнаго типа, выполнилъ ли онъ задачу, такъ широко намѣченную г. Николадзе и К°?

IV.

Г. Николадзе увлекается въ своемъ подражательномъ Бѣлинскому паѳосѣ до того, что сравниваетъ анализъ г. Гаршина съ анализомъ Достоевскаго и чуть-ли не отдаетъ первому преимущество. Въ укоръ Достоевскому онъ ставитъ многоглаголаніе, растянутость и слишкомъ напряженное раз-

ворачиваніе нашихъ душевныхъ язвъ и болячекъ. Г. Николадзе не желаетъ, очевидно, вспомнить, что раньше, чѣмъ Достоевскій написалъ свои послѣднія, болѣе слабыя произведенія, онъ написалъ рядъ сильныхъ, сильнѣйшихъ и самыхъ сильныхъ въ той отрасли литературы, къ которой онъ принадлежитъ.

Нѣсколько страницъ гаршинскаго анализа болѣе чѣмъ блѣднѣютъ передъ колоссальнымъ анализомъ «*Преступленія и Наказанія*». Этотъ послѣдній до того захватываетъ читателя, что заставляетъ его вмѣстѣ съ преступникомъ переживать всѣ его терзанія, вмѣстѣ съ нимъ жаждать скрытія слѣдовъ преступленія. Читатель, чувствуя свою солидарность съ преступникомъ, отрезвляется и спрашиваетъ себя, какимъ образомъ онъ могъ дойти до такой, хотя бы одно мгновеніе длившейся, солидарности. Онъ видитъ, что душа одинакова какъ у преступника, такъ и у него самого, что всякій изъ насъ, силою обстоятельствъ и вліяній, можетъ стать наряду съ Раскольниковымъ. Не тотъ анализъ встрѣчаемъ мы въ «*Идіотѣ*». Здѣсь бросается въ глаза черта, прямо противорѣчащая дѣйствительности; здѣсь группа людей ненормальныхъ, по капризу автора столпившихся въ Павловскѣ, не производитъ на окружающихъ, нормальныхъ людей того впечатлѣнія, какое она должна была бы произвести: къ сумашедшему, къ идіоту окружающіе относятся—какъ къ человѣку нормальному. Но насколько «*Идіоту*» далеко до «*Преступленія и Наказанія*», настолько же г. Гаршину далеко до Достоевскаго вообще, и настолько же, прибавимъ кстати, далеко паѳосу г. Николадзе до паѳоса Бѣлинскаго.

Въ другой, болѣе спеціальной статьѣ, мы указываемъ на ошибку г. Гаршина, какъ психолога. Въ разсказѣ

«*Ночь*» онъ смѣшиваетъ два отличныхъ процесса: «*ассоціацію одновременностей и ассоціацію контрастовъ*» [1]).

Недурно обработанный анализъ души человѣка, рѣшившагося на самоуничтоженіе, обставленный современными рельефными картинками, не позволяетъ еще намъ имѣть о г. Гаршинѣ сужденіе, какъ о знатокѣ души и о первоклассномъ художникѣ. Мы видѣли въ его картинахъ правду, видѣли, какъ уже не разъ повторяли, современность, но не скрылось отъ насъ и то, что лица, дѣйствующія въ хромо-миніатюрахъ, пожалуй настолько же русскіе, какъ и иностранцы.

Не думаемъ, чтобы «*глухарей*» не было заграницей. А развѣ мысли о преимуществахъ мира надъ войной и о злѣ войны не свойственны никому кромѣ насъ? Развѣ идеи В. В. Верещагина, этого современнаго апостола мира, не нашли себѣ отголоска въ сердцѣ европейца? Серія грандіозныхъ картинъ войны, со всѣми ся ужасами, оставила такіе неизгладимые слѣды на сознаніи всякаго, кто ихъ видѣлъ, а ихъ видѣли милліарды, что попытка произвести подобное же, или хотя бы похожее впечатлѣніе перомъ послѣ кисти кажется даже черезъ-чуръ самоувѣренною.

Вертеръ-наизнанку, участники «*Происшествія*», инженеръ — все это общечеловѣки, а не исключительно русскіе. А, между тѣмъ, намъ памятны художники, никогда и ни въ чемъ не отрывавшіеся отъ почвы, свойственной той или другой народности. Наши народные поэты постигали духъ народности настолько, что могли изображать чужую національность не хуже своей собственной. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ русскаго искусства говоритъ: «Пушкинъ представилъ такихъ нѣмцевъ, итальянцевъ, испанцевъ въ своихъ «*Скупомъ Рыцарѣ*», «*Сценахъ изъ*

---

[1]) „*Русское Богатство*“, мартъ 84 г., стр. 578-580.

рыцарскихъ временъ», *«Анджело»*, *«Каменномъ Гостѣ»*, а Гоголь такихъ итальянцевъ въ своемъ *«Римѣ»*, какихъ сами тѣ націи никогда не представляли выше и глубже...» [1]).

Въ разсказахъ г. Гаршина мало *«дѣйствія»*. Герои его болѣе думаютъ и мрутъ, чѣмъ дѣйствуютъ. А мы избалованы въ этомъ отношеніи. Возьмемъ хотя-бы Ѳ. М. Достоевскаго. Въ любомъ изъ его романовъ, наряду съ самымъ тонкимъ анализомъ каждой мысли, каждаго движенія его героевъ, мы видимъ массу *«дѣйствія»*, временами даже больше, чѣмъ его, казалось бы, нужно. Нѣтъ ни одного лица у Достоевскаго, которое бы все время не дѣйствовало. Правда, это отчасти утомляетъ вниманіе читателя, въ особенности, если вспомнить тѣ неожиданные, мучительно вліяющіе повороты дѣйствія, которыми такъ изобилуютъ его произведенія.

У нашего *«корифея 70-хъ годовъ»* совсѣмъ другой пошибъ, скорѣе бретъ-гардтовскій, но у Бретъ-Гардта опять таки несравнимо больше «дѣйствія», чѣмъ у г. Гаршина.

Сжатая форма изложенія, за которую такъ много сыпалось похвалъ г. Гаршину, есть не болѣе, какъ свойственный ему пріемъ, неизбѣжный при серьозныхъ задачахъ и выгодный уже и потому, что онъ приводитъ читателя къ убѣжденію, что авторъ изучилъ съ должнымъ стараніемъ то, о чемъ пишетъ, раньше чѣмъ вылилъ свои наблюденія въ лаконическія формы.

Да не будетъ поставлено намъ въ укоръ обиліе разговоровъ о типахъ и о формѣ и отсутствіе детальнаго разбора произведеній молодаго беллетриста. Мы смотримъ на г. Гаршина почти исключительно, какъ на мнимаго творца типовъ, и говоримъ о формѣ лишь попутно, отказываясь по-

---

1) В. В. Стасовъ. *„Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства"*. *„Вѣстн. Евр."*, дек. 82 г., стр. 670.

камѣстъ отъ подробной критической оцѣнки его художественныхъ способностей, несомнѣнно проявляющихся въ «*Разсказахъ.*» Намъ кажется, что здѣсь нѣтъ противорѣчія. Не всѣ художники возвышались до созданія типа; были и такіе, которые ограничивались картинами, были и другіе, которые, подобно Достоевскому, работали надъ идеями, отвлеченными отъ готоваго типа, надъ его синтезомъ.

V.

Удивляемся, шутки ради, отчего г. Николадзе, увлекшись г. Гаршинымъ, не сравнилъ его миніатюръ со стариковскими картинками И. С. Тургенева. Вѣдь находятъ же нѣкоторые, что «Sinelia» представляетъ нѣчто цѣлое, одухотворенное общею идеею, тогда какъ отрывки эти, похожіе на собраніе стихотвореній развѣ только потому, что, какъ при расположеніи послѣднихъ въ хронологическомъ порядкѣ, въ нихъ не найдешь не только общей идеи, но часто и общихъ предметовъ мысли—являютъ такое картинное разнообразіе, какое любопытно лишь въ калейдоскопѣ. Хотѣлось бы поговорить поподробнѣе о стариковскихъ стишкахъ, до страшно. Всюду поспѣвающій «*Гражданинъ*» вѣдь сдѣлался же предметомъ не особенно лестнаго сравненія за нелестные отзывы объ этихъ стишкахъ. Даже такой невинный журналъ, какъ «*Стрекоза*», — и тотъ побоялся вдосталь подшутить надъ престарѣлымъ беллетристомъ и хотя, подъ личиною ласкательства, и отважился между безцвѣтными подражаніями вставить довольно остроумные «*остовы*» стишковъ, но сдѣлалъ это какъ-то нерѣшительно, причемъ заявилъ въ концѣ, что, «продолженіе можетъ воспослѣдовать...» [1]).

---

[1]) „*Стрекоза*“, 83 г., № 3. „*Хорошаго-понемножку*“.

А любопытны эти остовы. Не знаемъ, какъ другимъ, а намъ прежде всего, при чтеніи «*Стихотвореній въ прозѣ*», бросились въ глаза эти слабые по содержанію остовы. Главная идея, въ нихъ мелькающая — обычное старческое memento mori, кромѣ этой идеи въ стихахъ есть еще и многое другое; есть и очеловѣченныя животныя, есть и очеловѣченные духи, есть и французскій энтузіазмъ во вкусѣ В. Гюго, есть, рядомъ, и русская деревня pur sang, есть почти все кромѣ той почвы, на которой въ былое время твердо стоялъ авторъ «*Записокъ Охотника*», и которая, офранцузившись и обаденъ-баденовшись, изъ подъ ногъ его утекла...

Жаль и досадно, что «*Стихотворенія въ прозѣ*» появились на чужомъ языкѣ раньше, чѣмъ на страницахъ «*Вѣстника Европы.*» Жаль потому, во-первыхъ, что такое явленіе ненормально вообще, а для насъ, русскихъ, въ особенности. Жаль и потому, во-вторыхъ, что плохо знакомая съ нашей литературой Франція встрѣтила восторженно одну изъ послѣднихъ пѣсенъ лебедя, тогда какъ на дѣлѣ пѣснь эта едва-ли заслуживала восторга. А вѣдь восторгъ перешелъ нашу западную границу и противъ воли заставилъ и насъ если не восхищаться, то хвалить то, чего не слѣдовало. Кто знаетъ, можетъ быть не слѣдовало бы и намъ такъ высказываться въ виду недавней сравнительно кончины великаго своими прежними заслугами художника....

VI.

Прошлый 83-й годъ принесъ новые матеріалы для оцѣнки литературной дѣятельности г. В. Гаршина. Въ этомъ году въ «*Отеч. Зап.*» были помѣщены три его произведенія;

«*Разсказъ рядоваго Иванова*», «*Красный Цвѣтокъ*» и «*Медвѣди*». Между первою вещью и двумя остальными слѣдовалъ продолжительный антрактъ. Это былъ періодъ, когда, по мнѣнію лицъ компетентныхъ, «не стоило возбуждать вопроса о В. Гаршинѣ, благо и публика и критика успѣли въ значительной степени его позабыть.» Но это только казалось. Если мода на молодаго писателя и поостыла нѣсколько въ Петербургѣ, то не успѣла она остыть въ провинціи, всегда и во всемъ запаздывающей. А разъ г. Гаршинъ опять выступаетъ на общественную арену—отчего-же одному изъ среднихъ читателей не подѣлиться своими мыслями съ другими средними читателями? И именно теперь, когда новые разсказы еще не побывали въ опытныхъ рукахъ и предстоятъ передъ нами каждый отдѣльно, не будучи еще скрѣплены брилліантовымъ цементомъ въ новую «типовую» группу...

Разсматривая «*Разсказъ рядоваго Иванова*» со стороны формы, мы позволимъ себѣ сдѣлать два маленькихъ внѣшнихъ замѣчанія.

Къ удивленію, лаконичность, такъ настойчиво практикованная прежде, почему-то вдругъ уступаетъ здѣсь мѣсто обычной рѣчи. Разсказъ огроменъ сравнительно съ самымъ большимъ изъ прежде написанныхъ. Быть можетъ, на него надо смотрѣть какъ на пробу большаго цѣльнаго произведенія?

Непріятно отозвалась въ насъ старая-престарая погудка о четырехъ орфографическихъ ошибкахъ въ словѣ «*еще*», къ чему-то пришпиленная здѣсь. Это все равно, какъ «*бѣлые платки*», летающіе по небу въ «*Стихотвореніяхъ въ прозѣ*» Тургенева, сильно смахивающіе на таковые же

летающіе платки, но только красные — у Гоголя. Больно встрѣтить неудачную перифразу старой хорошей пѣсни [1]).

Главная черта «*Разсказа рядоваго Иванова*» есть безпристрастіе. Читатель, кто бы онъ ни былъ, къ какой бы спеціальности не принадлежалъ, одинаково сильно перечувствуетъ всѣ бѣдствія похода и ужасы войны.

Но странно, отчего г. Гаршину такъ нравятся разсказы изъ военнаго быта? Этимъ разсказамъ было отведено много вниманія во время войны и непосредственно послѣ нее, и теперь, когда мы пережили это крупное несчастіе, когда мы вдоволь насмотрѣлись и наслушались тяжелыхъ подробностей этого общенароднаго зла, можно было бы и отказаться отъ роли врача-оператора, демонстрирующаго зіяющую гангрену. Кстати: г-ну Николадзе, чтобы быть послѣдовательнымъ, не мѣшало бы хотя вскользь указать на жестокость разсказовъ, предлагаемыхъ г. Гаршинымъ какъ разъ въ то время, когда мы самымъ мирнымъ образомъ настроены. Вѣдь Достоевскому было же поставлено въ счетъ разворачиваніе ранъ и болячекъ?

Относительно военныхъ разсказовъ существуетъ, впрочемъ, прецедентъ, весьма соблазнительный даже. Подобные разсказы воздвинули послѣ Севастополя Гр. Л. Толстаго и заслужили ему громкое имя. Правда, то было давно, да и солдатики того времени давали матеріалъ побогаче, нежели солдаты 77—78 годовъ.

Рядовой Ивановъ—случайный, добровольный военный и вотъ почему ему не въ моготу промолчать о видѣнномъ

[1]) Сравненіе стада журавлей, плавающихъ въ озаренномъ далекимъ степнымъ заревомъ воздухѣ, съ красными платками, летающими по небу, принадлежитъ по идеѣ нѣкоему С. Д. Шаржинскому и встрѣчается въ „*Тарасѣ Бульбѣ*“ Гоголя.

имъ на полѣ смерти. Кромѣ него и подобныхъ ему охотниковъ, то-же или почти то-же пережили и перечувствовали массы борцовъ по профессіи, людей столь же человѣчныхъ, какъ и Ивановъ. Почему они стушевались, какъ только война миновала, почему не вопіютъ они о томъ, чему были свидѣтелями, почему изъ героевъ они обратились въ мирныхъ гражданъ? А потому, думается, что истинное бѣдствіе не краснорѣчиво, что неустранимость зла ведетъ къ его замалчиванію, что, вслѣдъ за напряженіемъ, неминуемо наступаетъ реакція—жажда покоя.

Странный Венцель, звѣрствующій и неистовствующій надъ своею ротою, и плачущій, какъ ребенокъ, надъ убитыми солдатиками той же роты—далеко не новость. Контрасты живутъ и умираютъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, они ему присущи. Обстоятельства, насилующія коренныя нравственныя начала, приводятъ къ невмѣнимымъ жестокостямъ. Извѣстно, между прочимъ, что Наполеонъ I рѣзко осуждалъ Юлія Цезаря за жестокость, которую тотъ обнаружилъ во время гальскихъ походовъ [1]. Извѣстно также, что тотъ же Наполеонъ жестокосердствовалъ самъ.

Оригиналенъ отзывъ, появившійся въ «*Петербургскомъ Листкѣ*» [2] уже послѣ напечатанія «*Разсказа рядоваго Иванова*». Цитируемъ изъ него нѣсколько строкъ: «Перо у г. Гаршина бойкое, языкъ блестящій, мысль погоняетъ мысль, хотя ни одной новой мысли имъ не высказано. Сказать, что разсказы его безжизненны—было бы слишкомъ рисковано, но что всѣ его разсказы заключаютъ въ себѣ «*житейскія параллели*» это несомнѣнно».

---

[1]) „*Исторія Юлія Цезаря*", соч. Наполеона I, дикт. имъ на островѣ св. Елены.

[2]) „*Пет. Листокъ*", 83 г., № 189. „*Литература и Жизнь*" . . . . дра . . . . . ова.

И еще:

«Произведетъ ли Всеволодъ Гаршинъ что либо цѣльное, достойное его пера и дарованія—Богъ вѣсть. Было бы грустно, если бы онъ застылъ на своихъ параллеляхъ».

Какая бездна между только-что приведенными отрывками и «гаршинскими» типами г. Николадзе!

Въ октябрьской книжкѣ «*Отеч. Зап.*» за прошлый годъ помѣщенъ разсказъ г. Гаршина, «*Красный Цвѣтокъ*», почему-то адресованный памяти И. С. Тургенева. Около того же времени мы прочли въ газетахъ, что г. Гаршинъ, избранный членомъ одного изъ литературныхъ обществъ (въ Москвѣ), въ слѣдующее собраніе общества думаетъ прочесть свои воспоминанія объ И. С., въ имѣніи котораго онъ долгое время жилъ. Понятно, что послѣ такого анонса мы разсчитывали въ «*Красномъ Цвѣткѣ*» найти что-либо, касающееся маститаго поэта. Оказалось однако-же, что вещица эта только посвящена покойному, но не говоритъ о немъ ни слова. Почти одновременно появились воспоминанія другаго г. Гаршина—Евгенія, имя котораго, къ стыду нашему, было намъ незнакомо, если не считать, что мы встрѣчали его въ объявленіяхъ объ изданіи нѣкоторыхъ журналовъ. Этотъ послѣдній «писатель» (см. объявл. объ изд. «*Истор. Вѣстн.*» въ 1884 году) умудрился почти одновременно помѣстить свои воспоминанія объ И. С. въ двухъ періодическихъ изданіяхъ, съ одинаковыми притомъ рисунками въ текстѣ. Въ одномъ изъ нихъ («*Нива*» отъ 15 окт.) читаемъ, что авторъ ѣздилъ въ село Спасское вскорѣ послѣ кончины И. С. по порученію г. Маркса, а въ другомъ («*Истор. Вѣстн.*» за ноябрь)—г. Гаршинъ о новой поѣздкѣ почти умалчиваетъ и распространяется больше о первомъ своемъ посѣщеніи Спасскаго въ 1881 году. Разсказы очень схожи одинъ съ другимъ, хотя есть и нѣко-

торая разница. Такъ, перечисляя тургеневскихъ деревенскихъ гостей, авторъ въ полудѣтской *«Нивѣ»* называетъ ихъ по фамиліямъ и чуть-ли не по именамъ; говоря о тѣхъ же гостяхъ въ спеціальномъ *«Истор. Вѣстникѣ»*, онъ почему-то дѣлаетъ изъ фамилій посѣтителей секретъ (вѣроятно, въ виду исторической тайны) и указываетъ на нихъ лишь иносказательно. Пусть это мелочь, но мелочь достойная смѣшка. Къ тому же и появленіе однихъ и тѣхъ же воспоминаній въ разныхъ журналахъ есть своего рода новшество, намъ не особенно нравящееся. Практикуется, правда, подобный пріемъ издавна относительно выдающихся произведеній иноземныхъ писателей, ихъ романовъ, исполненныхъ захватывающаго интереса, но вѣдь тамъ играетъ особую роль достоинство и скорость перевода, а здѣсь, да еще въ моментъ, отличавшійся изобиліемъ всякаго рода воспоминаній о почившемъ художникѣ (въ томъ же № *«Истор. Вѣстника»* ихъ *три подрядъ)*,—согласитесь, что здѣсь можно было бы обойтись и безъ повтореній.

Но пора возвратиться къ *«Красному Цвѣтку»*.

На нашъ взглядъ, этюдъ этотъ долженъ быть признанъ наилучшимъ произведеніемъ беллетриста. Отказавшись, какъ видно, отъ всякаго рода *«проклятыхъ вопросовъ»* и *«глубокихъ задачъ»*, которыми, по мнѣнію рецензента *«Нивы»* [1]), были сплошь заняты прежнія его повѣсти, г. В. Гаршинъ рисуетъ намъ прекрасную картину изъ жизни душевно-больныхъ. Написана вещь очень искусно, въ стилѣ Бретъ-Гардта. Дѣйствіе происходитъ въ одной изъ южныхъ губерній, но субъектъ, около котораго группируется интересъ, такъ-же возможенъ гдѣ нибудь въ Шерантонѣ, какъ и въ Кіево-Кирилловской лечебницѣ. Дѣйствіе координи-

---

1) „*Нива*", 82 г., № 30. Отд. „*Библіографія*".

руется двумя-тремя фразами служителей малороссовъ, да нѣсколькими южными растеніями. Въ разсказѣ много общечеловѣческаго и мало русскаго.

Мастерски очерченъ немногими смѣлыми штрихами докторъ лечебницы. Интересны также отношенія больныхъ къ нему и между собою. Въ общемъ, намъ, не спеціалистамъ, представляется близкое знакомство съ дѣломъ и напряженное вниманіе къ обработкѣ сюжета. Думается, что такія именно произведенія, безъ претензіи на созданіе типа, всего лучше удаются молодому художнику. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшая его дѣятельность подтвердитъ наше предположеніе.

Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ разсказѣ г. В. Гаршина, остановимся на минуту на его переводахъ, т. е., точнѣе, на одномъ изъ нихъ, входящемъ въ составъ не такъ давно изданной книжки: «*Царство Сказокъ Карменъ Сильва*» [1]). Здѣсь мы встрѣчаемъ переведенную г. Гаршинымъ сказку, «*Замокъ Вѣдьмы*» [2]). Не имѣя возможности просмотрѣть подлинникъ, мы тѣмъ не менѣе беремъ смѣлость сказать кое-что о переводѣ. Сдѣланъ онъ добросовѣстно, почти подстрочно, такъ-какъ попадаются не весьма удобоваримыя на русскомъ діалектѣ мѣстечки. Содержаніе у «*Замка*» пустѣе чѣмъ у другихъ румынскихъ легендъ. Гаршинскаго пошиба въ переводѣ не видно. Вообще, въ новоизданной книжкѣ есть и лучшіе переводы, напр. В. Крестовскаго (псевдонимъ).

Передъ нами ноябрьская книжка «*Отеч. Зап.*», а въ ней гаршинская «хромо-миніатюра». Какъ и большинство прежнихъ разсказовъ, «*Медвѣди*» заставляютъ читателя содрог-

---

[1]) Елизаветы, Королевы Румынской. СПБ., 83 г.

[2]) Стр. 61.

нуться. Благо г. Гаршину и намъ, что перлы его появляются рѣдко, по зернышку. Послѣ нѣкотораго антракта, еще сильнѣе достигается видимая цѣль: поразить читателя, вздернуть его на четверть часика на дыбу, провести стальнымъ гребнемъ по его нервнымъ путямъ. Странная задача....

Не умиленія мы ищемъ, не удовольствія въ прямомъ смыслѣ ждемъ отъ хорошаго разсказа; нѣтъ; мы готовы отдать полное вниманіе и талантливому изображенію зла во всей его непривлекательной наготѣ, но... пощадите же наши нервы, г. Гаршинъ! Что за странность, что за эпидемія такая? *Девять* изъ *десяти* миніатюръ *заполнены трупами;* въ десятой (*«Художники»*), если и нѣтъ настоящей смерти, то есть смертельная болѣзнь, не говоря уже о полумертвомъ «глухарѣ». Авторъ садится писать, запасаясь напередъ трехъ-аршиннымъ участкомъ земли для своего героя. Благо, повторяемъ, что гаршинскіе разсказы выпускаются съ разстановкою, не то нервы наши настолько притупились бы къ «зрѣлищамъ», что къ послѣдующимъ вещицамъ жестокаго писателя мы принуждены были бы относиться все холоднѣе и холоднѣе.

Въ *«Медвѣдяхъ»* разсказывается, повидимому, эпизодъ изъ дѣтскихъ воспоминаній автора. Выбранъ моментъ, когда, по распоряженію власти, медвѣжьи вожаки должны были сразу и навсегда отказаться отъ своего звѣрскаго и тунеядческаго промысла. Рисуется по трафареткѣ провинціальный городокъ, вблизи котораго должна совершиться казнь послѣднихъ изъ ручныхъ медвѣдей округи. Моменты этой казни, бѣгство одного изъ несчастныхъ, обезумѣвшихъ животныхъ, окончившееся для него еще болѣе мучительною смертью,—все это глубокимъ рѣзцомъ напечатлѣлось въ воспріимчивомъ сознаніи юноши-автора. Картина выходитъ тяжелая, щемящая сердце и холодящая кровь.

Быть можетъ, когда нибудь впослѣдствіи, если г. Гаршину дѣйствительно суждено сдѣлаться однимъ изъ новыхъ русскихъ корифеевъ, мы, рядомъ съ полотномъ, привлекающимъ наиболѣе серьезныхъ и вдумчивыхъ посѣтителей выставки и изображающимъ гаршинскаго «глухаря», увидимъ и другую столь же печальную картину—казни цѣлой сотни безвинныхъ измореннныхъ «мишекъ», принесенныхъ въ жертву гуманитарной идеѣ.

Думается однако, что новый разсказъ имѣетъ скорѣе автобіографическое значеніе, чѣмъ какое-либо иное. А если ужь непремѣнно нужно искать основную мысль въ этомъ пересказѣ давно-прошедшаго эпизода, то пусть другіе укажутъ ее. Для насъ же она тѣмъ болѣе неясна, что авторъ не скрываетъ своихъ симпатій къ цыганамъ-вожакамъ. Онъ влагаетъ въ уста старѣйшаго изъ нихъ, патріарха-Ивана, красныя рѣчи, не совсѣмъ-то вяжущіяся съ образомъ грубаго кочевника. Если Иванъ и цыганъ, то идеализированный, пушкинскій.

Старые, истрепанные анекдоты не переводятся у г. Гаршина. Въ «*Медвѣдяхъ*» есть одинъ подобный о волосахъ, выросшихъ на ладони отъ чрезмѣрнаго употребленія растительной мази. Къ чему это?

Есть ошибочки и въ стилистическомъ отношеніи.

«... легкая пыль слабо взвивается изъ подъ колесъ и тутъ же, будто сонная, падаетъ на слегка росистую траву».

Сравненіе прекрасное, но почему *легкая* пыль *тикъ тяжело* падаетъ—это не совсѣмъ понятно. Надо думать, что пыль такъ скоро и такъ сонно падала вслѣдствіе влажности; но вѣдь влажная пыль уже не будетъ легкою. Съ другой стороны, дорожная пыль, наѣзженная днемъ, должна

была быть тонка. Стоило сказать *«тонкая пыль»* и сомнѣніе исчезло-бы.

Или рядомъ:

«—Папа, знаетъ ли кто нибудь по цыгански?»

«—Сами они, конечно, знаютъ, а изъ другихъ я не видѣлъ никого, кто умѣлъ бы говорить съ ними.»

Эти цыгане, знающіе цыганскій языкъ—своего рода великолѣпіе. И подобный отвѣтъ дается мальчику, прозрѣвающему миѳологическое содержаніе только что слышанныхъ имъ «языческихъ» пѣсенъ.

VII.

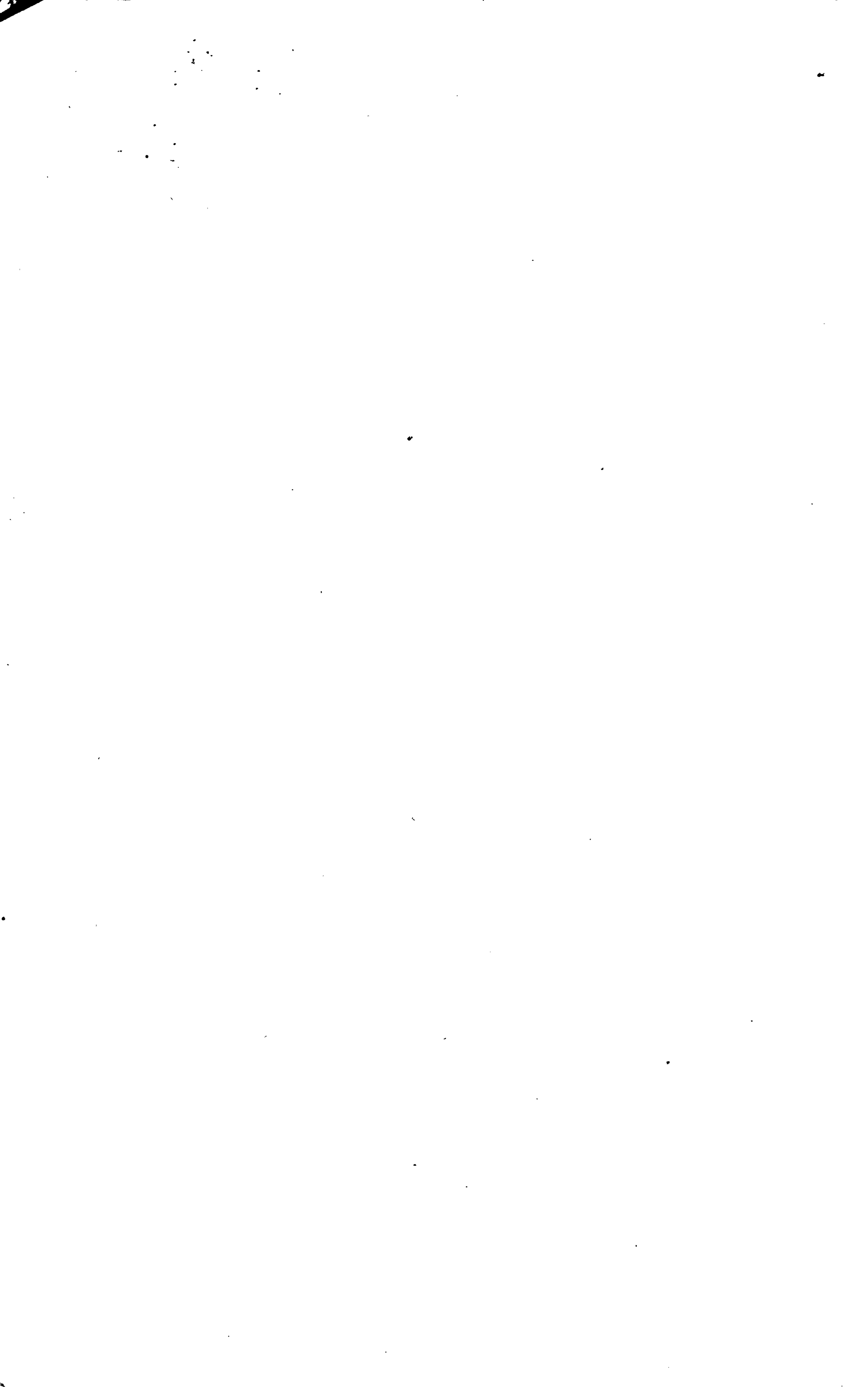
Талантъ г. Гаршина все же даетъ себя знать. На дюжинѣ страничекъ онъ умѣетъ сказать столько, что вы невольно просиживаете надъ его разсказами дольше, чѣмъ надъ всякими другими. У васъ не хватаетъ духу тотчасъ отрѣшиться отъ разсказа и непосредственно перейти къ другому чтенію. Онъ мастеръ рисовать.

«Недѣля» и *«Новое Время»* указываютъ на склонность г. Гаршина къ подражанію великимъ маэстро. *«Недѣля»* говоритъ, что подражаніе это обще всѣмъ русскимъ писателямъ позднѣйшей формаціи, разница въ томъ, что одни изъ беллетристовъ-дебютантовъ копируютъ (въ миніатюрѣ, конечно) нашихъ отечественныхъ колоссовъ, а другіе—иностранныхъ. Въ прессѣ попадаются и указанія особенностей гаршинскаго таланта, напоминающихъ нашихъ литературныхъ столповъ. Все это не можетъ не радовать читателя. Если за послѣднее время на русской нивѣ почему-то не нарождаются самостоятельные таланты, то естественно, надо быть довольнымъ и тѣмъ, что люди, посвя-

тившіе себя литературѣ, тщательно изучаютъ образцы, увлекаются ими, задаются проникновеніемъ въ глубины творчества и почерпаютъ тамъ частицы божественнаго вдохновенія, отличающаго истиннаго художника.

Но увлекаться новымъ подражательнымъ направленіемъ нѣтъ нужды. Книжныя полки читателя не пустуютъ, онѣ достаточно отягощены томами избранныхъ любимцевъ. На этихъ полкахъ найдется, быть можетъ, мѣсто и для одной-двухъ маленькихъ книжекъ г. Гаршина, но многимъ его книжкамъ, если таковыя появятся, мѣста пожалуй и не хватитъ. Во всякомъ случаѣ, не думаемъ, чтобы характеристика гаршинскаго таланта могла считаться законченною. Онъ можетъ написать много очень хорошихъ мелкихъ произведеній, можетъ создать и нѣчто крупное, цѣнное, а можетъ и стушеваться. Надо выждать и, какъ бы руки ни чесались, потерпѣть звонить во всѣ колокола.

Долго прійдется ждать—возразятъ намъ пожалуй—того момента, когда, глубоко увѣрившись въ талантѣ г. Гаршина, публика и критика прійдутъ къ возможно однообразному взгляду на его произведенія. Пусть такъ, но мы убѣждены, что поспѣшная оцѣнка дѣятельности писателя не есть необходимость. Цѣль критики иная: ей надо обнять писателя цѣликомъ, со всѣми его дѣтищами, со всѣмъ его литературнымъ багажомъ.

3 6105 027 073 985

